

Дябкин Игорь Анатольевич, старший преподаватель
Кафедра литературы и мировой художественной культуры
Амурский государственный университет
igor-dyabkin@mail.ru

ОБРАЗ ТРАДИЦИОННОГО КИТАЯ В ПРОЗЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПИСАТЕЛЯ-ЭМИГРАНТА П.А.СЕВЕРНОГО

УДК 82-3

Аннотация. Статья посвящена изучению особенности интерпретации образа Китая в творчестве Павла Северного – одного из ярких представителей литературы дальневосточного зарубежья.

Ключевые слова и фразы: Китай, китайцы, этнос, Дальний Восток, эмиграция, дальневосточное зарубежье.

Dyabkin Igor, Senior Teacher
Department of literature and world artistic culture
Amur State University
igor-dyabkin@mail.ru

IMAGE OF TRADITIONAL CHINA IN PROSE OF EMIGRATION WRITER P.A. SEVERNI

Abstract. Article is devoted to features of interpretation of the image of China in the work of Pavel Severni – one of the brightest representatives of the literature of the Far Eastern countries.

Key words and phases: China, Chinese ethnicity, the Far East, emigration, Far East countries.

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 14-18-00308 «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)».

«Немец с русскою душой», один из самых издаваемых писателей «русского Китая», «ровесник века революций, мятежей и войн, судьба которого может послужить темой исторического романа» [7, с.5] – так отзывались о творчестве Павла Северного дальневосточные писатели-эмигранты.

Творчество Павла Александровича Северного – отдельная страница в истории русского дальневосточного зарубежья. Несмотря на то, что в последнее десятилетие современные исследователи проявляют интерес к изучению жизненного и творческого пути писателя, несмотря на подвижническую роль живущего ныне сына писателя, Арсения Павловича Северного, в скрупулезном собирании библиографии, издании книг отца, сохранении и популяризации его творческого наследия, все же многие факты его биографии остаются непроясненными. «Многие сведения о жизненном и творческом пути писателя скудны и зачастую больше похожи на легенды, <...> нет ни одной серьезной литературоведческой работы о его творчестве, нет даже его внятной биографии» [12, с.7], – указывает Л.П. Черникова, одна из немногих исследователей творческого наследия писателя-эмигранта.

Более того, среди работ современных ученых доминируют работы, посвященные изучению поэтики произведений, изданных уже в СССР, по возвращении семьи писателя из Шанхая. Внимание отечественных исследователей направлено на выявление художественных особенностей темы России, и ее исторического прошлого в творчестве П.А. Северного (романы «Ледяной смех» (1930-1975), трилогия «Сказания о Старом Урале» (1969-1974) и

т.д.). При этом образ Китая, «самой сказочной и чудесной страны Востока», по выражению самого автора, остается неизученным.

Павел Александрович Северный принадлежал к древнему дворянскому роду фон Ольбрих. Отец его, барон Александр Викентьевич фон Ольбрих, был потомком «русских немцев», ведущих свой род еще со времен Петра I, работал горным инженером в селе Верхний Уфалей, где 27 сентября 1900 г. родился будущий писатель.

Псевдоним «Северный» появился уже в эмиграции, в Харбине. С. Аюпов в статье «“Мила нам добра весть о нашей стороне”: “Тургеневская сказка” Павла Северного» утверждает, ссылаясь на высказывание самого писателя, что исток псевдонима – «стихи М.Ю. Лермонтова о тучках небесных, которые мчатся “с милого севера в сторону южную”, в частности в тот самый “южный” Шанхай, где многие годы жил и творил писатель-изгнанник» [2, с.129].

В 1903 г. семью барона А.В. фон Ольбриха переводят в г. Невьянск. Во время Первой Мировой войны П.А. Северный оканчивает гимназию в Перми, и осенью 1916 г. добровольцем уходит на фронт. «Это было не просто проявлением патриотизма, – укажет он в своей автобиографии, – Я хотел доказать, что, будучи немцем, готов бороться с врагами России за веру, царя и Отечество. Революцию не принял. Был воспитан монархистом» [8]. Но революцию принял его отец, не единожды участвовавший в забастовках на заводе. Тем не менее, отца с матерью расстреливают в 1919 г., а П.А. Северный присоединяется к армии Колчака. Был ли лично знаком писатель с адмиралом А.В. Колчаком? Вопрос довольно спорный (по свидетельству Арсения Павловича, отец был знаком не только с легендарным адмиралом, но и с генералом М.К. Дитерихсом и князем Ананьевым). Затем принимает участие в знаменитом Ледяном походе, попадает в плен к большевикам, из которого в 1921 г. через Маньчжурию, бежит в Харбин. Эти события своей жизни Павел Северный опишет в сборнике «Только мое, а может быть и ваше» (1924), рассказе «Гимн» (1941), в романе «Ледяной смех» (1920-1975).

Сын писателя утверждает, что отец не любил вспоминать о жизни в Харбине, тому виной – безработица и постоянная нужда. Позже, в рассказе «Письмо к сестре» (1935) он так опишет многонациональный Харбин: «Да, я живу в Китае, в стране, о которой ты ничего не знаешь... Живу в большом городе... в свалке каменных ящиков живут люди. Они мучат друг друга различными чувствами, скалят от злости и зависти зубы, грызутся между собой и иногда даже загрызают» [1, с.9]. Арсений Павлович Северный, спустя полвека, вспоминает: «Сегодня очень трудно понять нашу жизнь в Китае. О Харбине я ничего не помню, отец говорил о нем мало. Про Шанхай помню многое, но могу сказать одно – русская эмиграция была страшно не дружна, завистлива, распускала нелепые слухи, которые нелегко было опровергать, постоянные доносы. Вот в такой среде надо было существовать...» [12, с.68].

Тем не менее, любовь к Китаю П. Северный пронес через всю жизнь. Россия и Китай стали духовными доминантами, неисчерпаемым источником сюжетов. На «шанхайский период» приходится расцвет творчества П.А. Северного: «Косая Мадонна» (1937), «Тургеневская сказка» (1937), «Лэди» (1938), «Озеро голубой цапли» (1938), «Черные лебеди» (1941), «Следи лаптей» (1943) и др. Образ Китая в творчестве Павла Северного выступает как художественный и этнокультурный концепт. Источником для вдохновения писателя являлась китайская экзотика. Уже в конце жизненного пути Северный указывал в своей автобиографии: «Годы, прожитые в стране, позволили узнать ее историю, быт населяющих народностей и всю схоластику конфуцианства, даосизма и буддизма, то есть весь мистический дурман религий, цепко державших разум страны в своей власти. Узнавалось все медленно, до многого приходилось додумываться из-за незнания языка со множеством провинциальных наречий. Меня особенно интересовало прошлое страны... Я старался захватить все, что было для меня необычным» [1, с.1]. Большую роль в познании тайн китайской культуры, быта и традиций китайцев сыграл его пеший поход из Харбина в Шанхай в 1932 г. «Необычное прошлое» Китая с его многовековыми традициями – становится главным объектом изображения автора в произведениях, вышедших в Шанхае в 1930-1940 гг. Он обращается к изображению традиционной китайской культуры, поэтому нередко образ Китая у Северного об-

лекается в идиллические описания. Хотя к концу 1920-х гг. Китай уже не был тем старозаветным, императорским Китаем. Страна была охвачена огнем революции. Для автора важным было показать те многовековые культурно-религиозные традиции, сохранение которых помогает китайцам сохранить свою этничность.

Подступом к образу «сказочного Китая» стал уже упомянутый рассказ «Свечи монашеского обета» (1931), опубликованный в единственном выпуске литературно-художественного сборника «Багульник». В рассказе писатель обращается к особой теме – описанию таинства посвящения буддийских монахов.

В повести «Фарфоровый китаец качает головой» (1937) эпически-фабульное начало выступает на передний план. Источником сюжета послужили китайские легенды и предания о священном жителе тайги – «Великом Ване» [4,5,11]. П. Северный рисует уникальный образ «Желтого Вавилона». Читатель погружается в атмосферу средневекового Китая с его многовековыми традициями: *«Жизнь народа шла здесь, как несколько веков тому назад, когда Китаем правили династии императоров. Не менялась жизнь. Отсутствие больших дорог, удаленность от промышленных городов, глушь горных лесов не манила к себе ласточек цивилизации и новой послереволюционной жизни Китая. Здесь жизнь народа всецело зависела от доброты природы»* [9, с.15].

Герой повести – пожилой китаец Лин, получивший образование в Европе, считает, что *«жизнь Китая должна идти вперед, совершенствоваться и улучшаться, но народ должен достигать своего благополучия, не теряя своей самобытности»* [9, с.35], поэтому он выступает противником тех, кто разрушает *«грандиозный и величественно прекрасный Китай прошлых столетий»*, уничтожая древности, *«сдирая со стен древних храмов редчайшие мудрости и заменяя их надписями из кодексов новых политических идей, <...> рекламой мыла и сигарет»* [9, с.35]. При этом, он не является противником Запада, для него важно сохранить свои этнические корни, а возможно это лишь через почитание религиозно-культурных традиций древности.

Обращение к детальным пейзажным зарисовкам позволяет автору создать образ *«грандиозного и сказочного»* Шанхая, живущего вопреки революционным событиям. Образ экзотического Китая для П. Северного является благоприятным фоном, на котором оживают сюжеты древних китайских легенд: история о статуэтке фарфорового китайца и его верного хранителя – тигрицы подтверждает мистические верования старого китайца Лина, убежденного, что в статуэтку «знатного мандарина», сделанную в России, переселилась душа его первой возлюбленной – русской красавицы Ксении. После ее смерти даосский монах, посетивший Лина, принес ему маленького тигренка: *«По его словам, всесильный Будда явился к нему ночью в сопровождении тигрицы, которая по повелению божества в пасти принесла к порогу убогой кельи своего детеныша. Будда приказал ему отнести тигренка в дом. Фанатично верующий монах уверял меня, что в теле тигренка живет душа умершей женщины. Согласно воле Будды, в течение пяти лет нога ни одной женщины не смеет переступить порог моего дома. Покидая меня, монах приказал не нарушать всесильной божественной воли, сказав также, что в случае насильственной смерти тигрицы мою жизнь на каждом шагу будет подстерегать смерть...»* [9, с.61]. По иронии судьбы, влюбленная в Лина китаянка Сюнь-хуа из ревности пытается разбить статуэтку. В схватке с разъяренной тигрицей погибают и Сюнь-хуа, и священное животное, остается жить лишь фарфоровая статуэтка китайца-мандарина.

Схожим в сюжетно-тематическом и композиционном плане является повесть «Озеро голубой цапли» (1938). Писатель вновь обращается к тем мифологемам, которые являются основами традиционной китайской ментальности, а многие из них до сих пор живы в сознании современных китайцев – это почитание Священных мест, культ императора [3], культ природы [6], «сыновней почтительности», почитание мудрости и др. И вновь основная сюжетная линия – повествование об уединенной жизни старого маршала Шун-чен-чанга на острове около священного «озера голубой цапли» и буддийского монастыря «Лестница млечного пути» – ретушируется детальными зарисовками экзотической китайской природы. Столь частые пейзажные зарисовки в прозе П.А. Северного продиктованы передачей особого

медитативного, мифопоэтического отношения китайцев к природе. «У П. Северного есть наблюдательность, есть любовь к красоте, заставляющая его подчас “перерисовывать” свои ярко-выписанные картины. – говорил о П.А. Северном Н.К. Рерих – Его творчество вообще – это рисование» [13].

Именно среди экзотического пейзажа расположилось поместье главного героя – Шун-чен-чанга, который «пережил многих друзей и соратников ушедшего императорского периода <...> Страну ведут сейчас к свету незнакомые ему вожди» [10, с.115], а он вернулся в свое поместье, как в колыбель. Здесь для него время остановилось. Жизнь старого маршала в поместье описывается автором как постоянное возвращение в средневековое прошлое. Образ дворца Шун-чен-чанга – символ императорского Китая: зал этого дворца, окутанный дымкой опиума, «помнил улыбки четырех веков», «на стенах развешаны уникамы редчайших панно с изображением мудреца Шун-Лао», на столах – «вазы из старинного бледно-розового фарфора», «на одной из стен висит портрет Ли-хун-чанга» [10, с.116] и т.д. Не случайно в это древнем поместье оживают средневековые сюжеты: наказание своей возлюбленной и заточение её в башню, примирение с сыном Ченом и его семьей.

Таким образом, художественное своеобразие образа Китая в прозе П.А. Северного заключается в создании автором идиллического образа Китая как «грандиозной и величественной», «сказочной и чудесной страны», сохранившей очарование и экзотику древности и противостоящей всем историческим катаклизмам. Согласно писателю, только в сохранении исконных культурно-религиозных традиций и обычаев возможно не потерять свою этничность.

Литература:

1. Агафонов А. О творчестве Павла Северного. Штрихи к портрету // Северный П.А. Ледяной смех. – М. – Подольск: «Академия-XXI». – С. 9.
2. Аюпов С. «Мила нам добра весть о нашей стороне»: «Тургеневская сказка» Павла Северного // Бельские просторы. – 2013. – №10. – С. 129.
3. Забияко А.П. Китайцев древних религия // Энциклопедия религий. / Под ред. А. П. Забияко А.Н. Красникова, Е. С. Элбакян. – М. : Академический проект, 2008 – С. 521-523.
4. Забияко А.А. Женьшень, тигр, священные места: мифологемы дальневосточного фронта в творчестве писателей-эмигрантов / А. А. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9. / Под ред А. П. Забияко – Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 2010. – С. 336-343.
5. Забияко А.А. «Фронтирная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20-30 гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2010. – С. 119-139.
6. Иннань Ли. Китайцы и природа: о некоторых особенностях китайской ментальности // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 10. Указ. изд. С. 39-51.
7. На «Понедельнике» // Шанхайская заря. – 7 февраля. – 1934. – С. 5.
8. Северный П.А. Автобиография // Личный архив А.П. Северного.
9. Северный П. Фарфоровый китаец качает головой. Шанхай, 1937.
10. Северный П.А. Озеро голубой цапли // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т.1. Проза: В 3-х частях. Ч.3. (Р-Я) / Сост., общ.ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2013. – С. 115-120.
11. Топоров В.Н. Тигр // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.2.–М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 511-512.
12. Черникова Л.П. Мост в прошлое везунчика-барона: (штрихи к портрету русского писателя Павла Северного. – Уфа: Вагант, 2011. – 118 с.
13. Черникова Л.П. Мост в прошлое Павла Северного // Шире круг. – 2010. – №6. – С. 52.

